

КОНФЛИКТ: «драка в коммунальной квартире» или издержки педагогического общения?

Игорь Трухин

Конфликт — проблема, находящаяся в неразрывной связи с темой свободы, которую мы обсуждаем сегодня. С одной стороны, «Я свободный ребёнок: что хочу, то и говорю». С другой — «Не могу больше вдалбливать им, что свобода — это не та пошлятина и вседозволенность, которой они словно козыряют». Конфликт — это воспитатель и воспитанник, учитель и ученик, которые в общении друг с другом, ничего и никого не видя, идут напролом, отстаивая свои позиции, — и при этом не делая ни шага, чтобы понять другого. А иначе и быть не может: это не диспут ради выяснения истины — это конфликт, на котором не выясняют, а стараются утвердить даже то, что заведомо обречено. Утвердить любыми силами. Вот и утверждают, а потом удивляются, что другой не хочет понимать.

Сегодня — разговор о конфликте, и на педсовет мы пригласили психологов, которые помогут нам разобраться в проблеме. Действительно, не говорить же обо всём этом на классном часе! И для родительского собрания тема конфликта (конечно, дома) пойдёт лишь тогда, когда мы сами узнаем анатомию конфликта. Поэтому начинаем именно с разговора на педсовете.

Недавно в нашей коммунальной квартире драка произошла. И не то что драка, а целый бой. На углу Глазовой и Боровой. Дрались, конечно, от чистого сердца. Инвалиду Гаврилову последнюю башку чуть не оттяпали. Главная причина — народ очень уж нервный. Расстраивается по мелким пустякам. Горячится. И через это дерётся грубо, как в тумане.

М. Зощенко. «Нервные люди»

Человеческое существование немислимо без соперничества и конфликтов. Особенно болезненно столкновение амбиций, так как победа одного предполагает поражение другого. Конфликты стали частью человеческой культуры, а их характер — одним из показателей её уровня.

С точки зрения физиологии высшей нервной деятельности прогресс человеческой психики состоит в развитии

процесса торможения, необходимого для сдерживания нежелательных аффектов. Возбуждение часто обслуживает наши непосредственные, импульсивные реакции, среди которых много таких, которые противоречат культурным нормам, например, бурные проявления гнева, ярости, страха, ненависти. Цивилизованное поведение требует сдерживания подобных реакций, т.е. постоянного торможения и «окультуривания» конфликтов, что можно считать важнейшим, возможно, главным в развитии прогрессивных, гуманных форм общественного бытия. С этой точки зрения конфликтная культура представляет собой сегодня наиболее прочный бастион первобытной агрессивности человеческого вида. В индивидуальной психике это как бы ранее существовавшая система поведенческих реакций, прикрытая позднее образовавшимся «культурным слоем».

В принципе конфликт — лишь один из механизмов разрешения противоречия, и он должен иметь место только при наличии последнего. Однако в конфликтной культуре такое поведение **наблюдается и вне конфликтных ситуаций**, является определённой манерой и способом поведения с собственной системой мотивов, стереотипов поведения и традиций. **Можно сказать, что конфликтная культура отделилась от своего первоисточника и ведёт собственную жизнь, заключается в привычке любой диалог воспринимать как единоборство и в стремлении выиграть словесный поединок.** Основной закон конфликтной субкультуры можно было бы сформулировать так: «На первом плане победа, а не истина в споре. Нужно смутить, переговорить, сбить с толку, заставить замолчать оппонента, а насколько справедливы обвинения в его адрес, не так уж важно».

Конфликтную субкультуру можно наблюдать во всех сферах нашей жизни: в деловых, бытовых, семейных и прочих отношениях, причём тем больше, чем менее формальны отношения. Она въелась во все поры общественного организма, стала нашей второй натурой.

Арсенал конфликтной техники можно разделить на **приёмы содержательного и технического подавления оппонента.**

Одним из главных приёмов первой группы выступает **отрицательное обобщение**, когда в тексте или подтексте указывается, что недостаток или промах оппонента является лишь одним из многих подобных, что он типичен и постоянен. Для этого используются такие, например, реплики, как: «Вечно ты...», «Ты всегда...», «Ты никогда...», «Сколько можно тебе говорить...», «Неужели ты не понимаешь...», «Ты опять...» и т.п. Это очень выгодный приём, поскольку позволяет один факт представить как систему поведения, привычку, черту характера оппонента.

Иногда отрицательное обобщение делается не прямо, а в форме **реплики с намёком**, что порой выглядит ещё более остро и обидно:

- Я не успела сегодня постирать свои вещи...
- Вот именно...

Смысл реплики «Вот именно...» понятен: ты никогда не стираешь свои вещи вовремя, ты безалаберный человек.

Близким по смыслу приёмом является **преувеличение**: «Мне осточертело...», «Меня достали...», «У меня терпение лопнуло...», «Это нужно быть идиотом, чтобы...» и т.д. Преувеличения обычно разжигают, заводят их авторов и вызывают такое эмоциональное состояние, при котором им кажется, что они правы. Этот приём хорошо известен каждому человеку и широко используется теми, у кого не хватает честности признаться себе, что они прибегают фактически ко лжи. Отрицательное обобщение и преувеличение — продукты той малоуправляемой эмоциональности, которая наполняла наших предков.

Типичным приёмом данной группы является также **профилактическое обвинение**, т.е. выражение уверенности в том, что оппонент обязательно допустит ошиб-

ку, оплошность, поведёт себя неправильно.

Для этого употребляются выражения типа:

«Я знаю, чего от тебя можно ждать», «Как же, от тебя дождёшься...», «Я знаю, на что ты способен...», «Ну конечно...», «Ну вот опять...» и т.п. Формой профилактического обвинения выступает упреждающее обвинение оппонента в конфликтном поведении: «Что ты ко мне придираешься!», «Ты найдёшь, к чему придраться!», «Не устраивай скандал!» и т.п. В конфликтной культуре это говорится «на всякий случай», чтобы уязвить противника, выставить его скандалистом, приписать то, что в принципе возможно в такой ситуации.

Ещё один типичный приём — упрощение конфликта, то есть нежелание в спорных ситуациях разбираться в аргументах оппонента, чтобы проще было представить его неправым:

— Почему ты не позвонил, что задерживаешься на работе?

— У нас было совещание, и мне неудобно было его прерывать.

— Но ты же руководитель и можешь позволить себе позвонить во время совещания.

— Это некрасиво — звонить в такой ситуации домой. У нас так не делают.

— Ладно, мне и так понятно, что для тебя семья на последнем месте.

Не менее распространён и показателен **стиль пикирования** (перебранки), который проявляется в том, что на любые слова собеседника даётся ответ с определённым запасом агрессивности и обвинения. Так, например, на мирный вопрос «Ты не видел моей книжки?» может следовать ответ «А ты что, слепая? Вон она лежит на месте!» или на вопрос «Какой сегодня будет по телевизору фильм?» ответ «Мне нечего больше делать, как только помнить, какой там будет фильм». Такой наступательный стиль становится привычным, создаёт предпосылки для конфликтов. Для него характерны грубоватые слова типа «жрать», «попёрся» и соответствующие интонации. Существует немало мастеров и виртуозов данного стиля, для многих это вообще единственно возможная манера общения, причём даже в тех случаях, когда она кажется абсолютно неуместной. Интересный пример подобного рода можно найти в рома-

не А. Рыбакова «Дети Арбата» — телефонный диалог Саши Панкратова с Катей:

— Катя, ты?

— Не узнал? — голос её раздавался изда- лека, будто она звонит из пригородного автомата.

— Как узнать, если ты молчишь?

— Молчишь... Тут не раскричишься. Как живёшь-то?

— Живу, тебя вспоминаю.

— Вспоминаешь... Девочек не хватает?

— Разбежались мои девочки. Ты как?

— Как, как... По тебе Маруся скучает, помнишь Марусю? Влюбилась в тебя, при- веди, говорит, своего чёрноглазого.

— Я готов. Когда пойдём?

— Пойдём... Чего захотел, я мужняя жена.

— Вышла за своего механика?

— Механик... Техник-механик, жулик- карманник.

— Выпила, что ли?

— А ты подносил?

— Когда встретимся?

— Где это мы встретимся? На улице трид- цать градусов, отморозишь свои причиндалы.

— Так ведь Маруся нас ждёт.

— Ждёт... К ней муж приехал. Ладно, на Девичку приходи.

— А пойдём куда?

— На кудыкину гору...

С позиции здравого смысла стиль раз- говора Кати кажется весьма странным: ведь она позвонила Саше с явным намерением повидаться с ним, но при этом говорит ворчливо-бранным тоном, с постоянным сопротивлением. Однако с точки зрения органичной для неё кон- фликтной субкультуры этот разговор выглядит совершенно логичным и явля- ется блестящим образцом диалогового творчества, ибо здесь, независимо от содержания, везде реализуется сверх-

задача: зацепить, уязвить партнёра, сказать нечто острое, не показаться покорной овечкой, короче, достойно провести словесную схватку, хотя и звонит она не врагу, а своему любовнику.

Обычный разговор превращается в пикирование благодаря нескольким элементам, одним из которых является ворчливое повторение последних слов реплики собеседника. Это повторение призвано создать впечатление, что им сказано что-то неудачное, какая-то глупость. Другой приём — передразнивание, искажение

В мире существует только один способ одержать верх в споре — это уклониться от него.

Д. Карнеги

слов собеседника и ещё лучше — превращение их в какой-нибудь каламбур или бранное словосочетание («Механик... Техник-механик, жулик-карманник»). Ещё один важный элемент пикирования — встречный вопрос или реплика, направленная на то, чтобы обескуражить оппонента («А ты подносил?»).

Хорошо видно, что эта техника является для Кати самоцелью, средством поддержания определённой репутации, а не диктуется содержанием диалога.

Типичный элемент стиля пикирования — **ответ вопросом на вопрос:**

— Скажите, пожалуйста, это ваши вещи?

— А что такое?

— Скажите, вы последний?

— А что, не видно?

Такие ответы довольно ярко отражают стремление быть хозяином положения. Отвечать на чьи-то вопросы — значит выполнять пассивную роль, быть объектом чьих-то манипуляций, а вот задавать вопросы — совсем другое дело. Приверженцы конфликтной субкультуры стремятся к превосходству над оппонентом. Они не любят, например, употреблять форму «Что?» как слишком покорную, а предпочитают «Что такое?», «А в чём дело?». Считается блестящим не просто

задать встречный вопрос, а увидеть за вопросом какие-то слабости, неуверенность, опасения, наивность говорящего и остро это подчеркнуть:

— Вы не видели, не пришёл ещё начальник отдела?

— А что, боитесь, что заметят ваше опоздание?

Среди приёмов технического подавления оппонента прежде всего следует назвать **прерывание партнёра**. Наверное, когда-то это было средством физического глушения слов противника, сейчас же выглядит как несдержанность, повышенная эмоциональность или даже как последнее, свежее веяние — демократическая, непринуждённая манера общения, но за этим фасадом всегда скрывается **установка конфликтной субкультуры: прервать — значит победить**. Молча слушать соперника недопустимо, унизительно и, в конце концов, неверно тактически. Позволять оппоненту высказывать критические замечания — всё равно что давать себя бить. Выслушать — значит проиграть раунд схватки. Неважно, как его прервать — главное, не молчать, не давать противнику говорить, а то он ещё подумает, что его слова возымели действие.

Роль этого способа вести диалог в разрушении человеческих отношений нетрудно себе представить, особенно в сфере семейных отношений. Если посторонние люди, общаясь, всё-таки стараются следовать нормам культуры (а выслушивание собеседника — одна из таких норм), то в семейных конфликтах этим правилом в основном пренебрегают. Оборвать речь становится настолько привычным, что супруги годами не дают полностью высказаться друг другу, укрепляясь в мысли, что у них существуют неразрешимые проблемы.

Эта привычка поддерживается в нашей культуре весьма популярным и романтическим представлением о положительной роли эмоций, которое сложи-

лось под влиянием литературы и искусства. Эмоциональность считается показателем отзывчивости и сердечности, в то время как сдержанность — признаком сухости и чёрствости. Однако к эмоциональности нужно относиться критически, она не совместима со взвешенным, разумным поведением и объективностью суждений. Отрадно, что эволюция человека ведёт к ослаблению эмоциональной мотивации поведения. Нет, мы не превратимся в сухарей, а будем меньше подвержены неуправляемым эмоциональным взрывам, необоснованным страхам, слепой доверчивости, предрассудкам и тем вроде бы благородным чувствам, которые порождают ксенофобию, патриотический фанатизм и терроризм.

Другой приём технического подавления оппонента — **правило последнего слова**. Оставить за собой последнее высказывание — важный признак «победы» в словесной перепалке. Правота аргументов в споре — ещё не главное. Куда важнее победное окончание. Вот почему бытовые конфликты часто продолжаются очень долго — никто не хочет уступить оппоненту последнее слово.

Близкий к этому приём можно определить как **триумфальное окончание**. Эффектное, выигрышное завершение спора или его части достигается с помощью резкого ухода из помещения, хлопанья дверями или того, что от противника отворачиваются, перестают отвечать на его реплики. Поэтому на коммунальных кухнях громко говорят особенно обидные слова и быстро уходят прочь.

К этой же группе приёмов относится **использование проницательных междометий, фразеологизмов, мимических реакций**, которые должны подчёркивать бессмысленность и нелепость слов оппонента. Сказать «Вы не правы» или «Я с вами не согласен» — это невыразительно, пресно. Другое дело выражения типа «Да что вы говорите!», «Да неужели?», «Ты смотри!», «Куда там!», «Можно подумать!» или просто повторение передразнивающим тоном слов противника.

Конфликтная субкультура окрасила собой почти все аспекты бытового поведения. Грубоватость, резкость стала в речи многих людей привычкой или даже внутренней необходимостью.

Это лишь некоторые, наиболее яркие приёмы неисчерпаемого арсенала конфликтной техники, который, увы, не перестаёт пополняться. Рассмотрим применение этой техники в сфере педагогического общения.

Издержки педагогического общения

Значение гуманного общения педагога с воспитанниками трудно переоценить. Непродуктивная манера поведения и общения может стать непреодолимым препятствием на пути отлаженного педагогического механизма.

Педагогическое общение должно быть самым грамотным и гуманным из всех видов общения. В тех сложных, конфликтных ситуациях, когда обычные люди теряются, допускают ошибки, выходят из себя и ведут себя недостойно, педагоги должны быть на высоте. Но в реальности они нередко раздражаются, гnevаются, кричат, язвят, оскорбляют и порой мало отличаются техникой общения от любого другого человека. Хорошо известно, что школьные будни наполнены не только радостью познания, но и столкновением характеров и самолюбий. Каковы причины этого явления?

Во-первых, среди педагогов немало людей с малоподходящими характерологическими чертами: вспыльчивые, неуравновешенные, чрезмерно обидчивые, малообщительные, повышено демонстративные и так далее.

Во-вторых, в школе имеются объективные предпосылки для педагогических конфликтов: значительная часть учащихся не может качественно усваивать сложные предметы.

В-третьих, большинство педагогов, к сожалению, — полноценные носители конфликтной субкультуры.

Современные педагоги имеют два уровня установок на общение с учащимися. На теоретическом и желаемом уровне большинство из них искренне признают необходимость доверительного и дружелюбного общения. На практике же стремление к дружелюбному общению постоянно наталкивается на недисциплинированность детей, в результате чего порицания и нравоучения начинают преобладать над советами и поощрениями, а общение приобретает назидательно-наказующий характер. Однако хуже всего то, что всё это «украшается» стереотипами конфликтной субкультуры.

Во главу приёмов наказующей техники можно поставить профилактические обвинения и наказания учащихся, что рассматривается педагогами как необходимое средство укрепления дисциплины и умения держать учеников в руках. Это представляется наиболее очевидным и действенным элементом педагогической технологии. Здесь действует незамысловатая логика: если ученики будут знать, что учитель строг, они не позволят себе нарушать дисциплину.

Профилактические наказания обычно выглядят как преувеличение проступков учащихся. Вот, например, весь класс плохо выполнил задание по алгебре. «Лентяи! — гремит учитель. — Ничего не знаете! У вас на уме одно безделье и гадости!» Более сдержанный педагог обходит резкие выражения и высказывается не столь прямо: «Да, способностями вы не блещете, как и старанием. Не знаю, зачем вы ходите в школу». В этих случаях провинности учащихся преподносятся педагогами с явным преувеличением, чтобы вызвать у учащихся чувство вины и раскаяния. Неосознаваемый же психологический смысл состоит в том, что педагог мстит ученикам за трудности в работе с ними и неуважение с их стороны. Профилактические наказания — это психология мести, реализованная средствами конфликтной субкультуры.

При этом мало кто из педагогов задумывается над тем, как воспринимают профилактические

наказания дети. Считается, что это необходимая и достаточно сильная мера, и если уж она не помогает, то не поможет ничто. На самом деле реакцию учеников нетрудно представить. Обвинения со стороны злоупотребляющих этим учителей не принимаются всерьёз, а самим учителям приписываются странности или дурной характер. Если же такое допускает сдержанный и справедливый педагог, это даёт результат и ученики чувствуют свою вину, но лишь в исключительных случаях. При систематическом применении профилактических наказаний дети переводят педагога из справедливых в категорию несправедливых и догматичных.

С преувеличениями соседствует другой элемент конфликтной техники — угрожающие обороты и выражения. Вместо «прошу не забыть выполнить домашнее задание» — «попробуйте только не сделать домашнее задание!», вместо «обязательно возьмите спортивную форму» — «чтоб все взяли спортивную форму!» и тому подобное. Ученики, конечно, не слишком пугаются подобных угроз, однако их применение создаёт конфликтный тон общения. А сколько в языке учителей пренебрежительных и унижительных выражений типа «развесил уши», «раскрыл рот», «распустил язык», «пишешь, как курица лапой», «обалдел», «отупел» и т.п.

Многие педагоги со стажем начинают по всякому поводу чуть ли не автоматически включать стереотипы конфликтной техники, чаще всего — иронию. Особенно острая реакция следует за всем тем, что расценивается как попытка ученика поумничать. Она вызывает со стороны учителя моментальный ответ, причём он мало заботится о чувстве меры и справедливости — лучше сделать это с запасом, чтобы было неповадно.

Ученик, заходя в класс, слегка ударился о косяк двери головой. В классе засмеялись. Видя всеобщее внимание, он говорит: «Хорошо, что хоть дверь не разбил». Смерив его ледяным взглядом, учительни-

ца произносит: «Это ты шутишь?» Подтекст её слов понятен: твои шутки бездарны, куда тебе ещё шутить... Целесообразна ли педагогически такая реакция? Ведь ученик пошутил самым безобидным образом — над собой. В том-то и дело, что педагог делает это без всякой осознанной цели, по привычке, автоматически, на всякий случай.

Приём из этой же серии — оглушение. Он заключается в том, что педагог так обыгрывает слова или действия ученика, что они начинают казаться глупыми, неуместными, примитивными и т.п. Работая над классным сочинением, ученик спрашивает учительницу: «А можно использовать мнение одного журналиста?», на что она отвечает: «Ты лучше не наделай ошибок, «журналист». Реплика направлена не на то, чтобы посоветовать избежать ошибок, а на высмеивание, которое учительница использует как педагогическую профилактику.

Было бы ошибкой представлять педагогов с навыками конфликтной техники (а их едва ли не большинство) людьми язвительными, злыми, чёрствыми, недоброжелательными. Они добры и отзывчивы, но усвоенная ими программа наказующей педагогики срабатывает автоматически. Точно так же 150 лет назад педагоги отправляли детей на физические наказания, а ещё раньше — били собственными руками. В том-то и беда, что конфликтная субкультура — наша обычная, привычная культура.

Как она выиграла сражение

Нужно полагать, что читатель хорошо знаком с описанной конфликтной техникой. Ещё бы — это же наш стиль! Может ли он быть другим, свободным от негативных обобщений, преувеличений, перебранки хотя бы время от времени? Может быть, это и есть наиболее естественный, демократический способ общения? Попробуем проследить пути конфликтной субкультуры.

Разумеется, у конфликтов такой же возраст, как и у человечества. Агрессивность — самая естественная, легко возникающая реакция, не требующая от человека никаких сознательных усилий, ума или моральных чувств. Реакция гнева у младенца проявляется в том, что он

начинает бить руками того, кто его держит. Никто не учил его таким образом проявлять своё недовольство — это инстинктивная форма поведения.

С развитием речи разнообразные проявления человеческих отношений всё больше перемещались в сферу вербального общения. На вербальный уровень перешло и большинство агрессивных реакций. Представление о том, насколько насыщено когда-то было ими человеческое общение, даёт поведение дошкольников, которые очень легко переходят от миролюбивого сотрудничества к обзыванию и передрязниванию друг друга. Постепенная гуманизация общественных отношений означала сдерживание стихийной и неуправляемой агрессивности и введение её в русло определённых норм и правил, что с ходом времени всё больше относилось к вербальному общению. Этот процесс можно считать определяющим весь моральный прогресс человеческого общества.

Как только мы почувствовали гнев во время спора, мы уже спорим не за истину, а за себя.

Т. Карлейль

Процедуры общения отшлифованы многими тысячами поколений. В них воплотилась интеллектуальная и эмоциональная мудрость, стремление к более гуманным условиям существования. Мы привыкли к элементарным проявлениям цивилизованного поведения и нам даже трудно представить, какая грандиозная прodelьвается работа по предотвращению конфликтов и поддержанию миролюбия выработанными обществом стереотипами поведенческой культуры. Качество и уровень этической культуры наряду с техническим прогрессом определяют уровень развития общества.

Этическая культура каждого народа и человечества в целом представляет собой многослойное явление, отражающее различные ступени её развития у различных слоёв и групп населения, причём разница между полюсами весьма значительна.

В элитарном слое общества, который всегда наиболее полно усваивал и использовал достижения современной ему культуры, созданы наиболее высокие и гуманные образцы общения, разработаны формулы внимательности, учтивости, сдержанности, любезности, вежливости, готовности замечать всё хорошее в собеседнике, тактичности и терпимости.

Цель такого общения — создать для партнёра максимально комфортные психологические условия, что возможно

Поистине всегда там, где недостаёт разумных доводов, их заменяет крик.

Л. да Винчи

только при демонстрации симпатии, уважения и доверия к нему. Поскольку не каждый собеседник вызывает такие чувства, была создана заменяющая техника общения, которая определяется понятиями вежливость, тактичность, учтивость, любезность и т.п. и которую мы называем культурой общения. Она фактически стала главным отличительным признаком истинной воспитанности и высокой социальной компетентности.

На противоположном полюсе находятся прямолинейность и бестактность, грубость, нетерпимость, несдержанность в выражении отрицательных эмоций, доходящая в крайних случаях до распушенности, невнимательность к достоинствам партнёра, необъективная критичность. Эти явления достаточно типичны для низшего слоя культуры.

Здесь невозможно не опровергнуть одну чрезвычайно популярную легенду. В русской публицистике и художественной литературе сложилась прочная и непререкаемая традиция облагораживания народа, его морали, культуры, нравов и традиций. Народ представлялся носителем здорового нравственного начала, которое порождалось его миссией работника, кормильца, созидателя всех материальных ценностей. Невежество, грубость, пьянство считались следствием тяжёлых условий жизни, т.е. его бедой, а не виной и охотно ему прощались. Народная мудрость и народная мораль выступали эталонами и критериями оценки тех или иных жизненных явлений,

а само понятие «народ» приобрело ореол святости. Эта позиция, сформировавшаяся в демократической дореволюционной среде, разумеется, была с пафосом принята и развита советской идеологией. Народная культура не только возвеличивалась, но и противопоставлялась как изначально здоровая и истинная культура всяких «паразитов». Такая платформа предопределила отношение большинства авторов к массовой этической культуре, искавила её оценку, оградив от каких-либо критических оценок. Грубость и конфликтность приписывались не народу, а мещанству (в горьковском понимании), которое было его худшей частью, испорченной господствующими классами. Критиковать народ в целом считалось недопустимо неблагоприятным.

Однако в реальности крестьянская и мещанская среда не была и не могла быть носителем высшей этической культуры, что абсолютно не снижает ценности и благородства её трудовой деятельности. В народной среде, конечно, постоянно шёл процесс морального творчества, и поведение каждого человека подвергалось соответствующему моральному суду, однако народ не имел такого, как высшие классы, научного кругозора и этического мышления, его моральные требования были примитивнее. Те представители народа, которые поднимались над общим культурным уровнем, чаще всего переходили на более высокую социальную ступень. Хорошо известны такие явления практической морали низших сословий, как грубость выражений, рукоприкладство, пьяная удадь, самосуды над провинившимися жёнами, примитивное хвастовство своими успехами и тому подобное. Конфликты в крестьянских и мещанских семьях проходили с криками, бранью, рукоприкладством, а общение в целом представляло собой как бы более раннюю историческую ступень морального развития. И поскольку низшие сословия составляли основную часть населения, не будет большим преувеличением назвать Россию империей конфликтной субкультуры.

Советская власть, какие бы пороки мы у неё ни находили, стремилась повысить массовую культуру. Народные массы приобщали к чтению художественной литературы и художественному творчеству, старались расширить их эстетический кругозор. Немало было сделано и для развития коммуникативной культуры, однако она была твёрдым орешком. Главным препятствием оказалось то парадоксальное обстоятельство, что идеологический эталон советской власти — рабочий и бедный крестьянин — был как раз антиэталонем в плане культуры общения, а её образцом оставался классовый враг — буржуазия, дворянство или разночинный интеллигент. Классовая солидарность не допускала серьёзной критики грубости, хамства и скандальности Шариковых, расценивая их как вполне допустимые и простительные слабости. Сдержанность в выражениях, литературная речь, культурные манеры ассоциировались с классово враждебным, буржуазным и нередко казались подозрительными. Как известно, в 1920-е годы боролись даже с внешними проявлениями «буржуазности», например, с ношением галстуков. Руководители высокого уровня ещё в 1960–1980-е годы порой кокетничали употреблением матерщины: знай, мол, наших, мы не какие-нибудь лощёные интеллигенты!

Два основных фактора: вековое наследие конфликтной субкультуры и фактически поощрительное отношение к ней советской власти обусловили существование того низкого уровня бытовой морали и коммуникативной техники, который характерен для советского менталитета. Коммунальный быт стал всеобщей школой общения, так что советский тип конфликтной субкультуры вполне заслуживает названия **коммунальной культуры**.

Интересно, что носители коммунальной культуры способны общаться нормально там, где это необходимо, в основном на работе. Они прекрасно умеют терпеливо выслушивать и избегать стиля перебранки, но в бытовых условиях у них автоматически включается привычная коммунальная техника общения. Высокий стиль общения у них существует «на выход», а для себя, для души — конфликтная субкультура.

Во второй половине XX века эпоха коммунальных квартир начала постепенно уходить в прошлое. Возросла образованность населения, появилось телевидение, весь уклад жизни стал приобретать более цивилизованные формы. Конфликтная субкультура также начала избавляться от своих наиболее уродливых проявлений. Это прежде всего коснулось форм общения посторонних людей: на улице, в транспорте, в магазинах и т.д. Откровенное хамство, бесцеремонность, грубость стали встречаться реже, хотя более скрытые формы, о которых говорилось выше, продолжали жить и здравствовать. В целом, как это и должно было быть, конфликтная субкультура шла к неуклонному исчезновению. И вдруг она получила неожиданную мощную поддержку, приток жизненных сил в результате общественно-политической трансформации... **В.Ш**

О самом-самом...

* Самая короткая война в истории длилась всего 38 минут. Произошла она в 1896 г. между Великобританией и Занзибаром.